

ЗАПАДНЫЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

“ПРИКЛАДНОЙ ОРИЕНТАЛИЗМ” ФРАНКОЯЗЫЧНЫХ ТРАВЕЛОГОВ О ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

С.А. Атанова

Снежанна Александровна Атанова | <https://orcid.org/0000-0001-9106-2984> | snej.atanova@gmail.com | PhD, научный сотрудник | Институт востоковедения РАН (ул. Рождественка 12, Москва, 107031, Россия)

Ключевые слова

Центральная Азия, Русский Туркестан, прикладной ориентализм, франкоязычные травелогои, производство знаний

Аннотация

О своих путешествиях в Центральную Азию во второй половине XIX в. Наполеон Ней, Анри Мозер, Гийом Капюс и Габриэль Бонвало поведали миру в путевых очерках. Увлекательные повествования погружали в полную приключений и опасностей атмосферу неизвестного края и между делом рассказывали об истории, этнографии, политике и экономике региона. Можно ли говорить о прикладном характере франкоязычных повествований? Иными словами, использовались ли экономические, географические и этнографические детали, сопровождающие повествования о приключениях и опасностях, для составления географических карт, планов по торговому импорту и экспорту, для создания музейных коллекций и проведения научно-исследовательской работы? Я попытаюсь ответить на поставленные вопросы, обратившись к травелогам вышеназванных авторов и концепту “прикладного ориентализма”.

Становление травелогов как самостоятельных литературных произведений, судя по трактатам, посвященным искусству путешествий, восходит к концу XVI в. (*Eisner, Rubis* 1999: 96). В 1970-х годах на травелогои обратила внимание *культурная история* (*Burke* 2008: 1), позднее они стали предметом изучения для *травелогии* (*travel studies, viajologia, itérologie*) – дисциплины, которая возникла в 1990-е годы, когда она была институционализирована через учреждение исследовательских центров, появление специализированных академических журналов и огромного количества монографий о путешествиях и путешественниках (*Burke* 2010: 1–2)¹. Если изучать травелогои в рамках научных дисциплин стали относительно недавно, нельзя сказать того же об исполь-

---

Статья поступила 25.01.2021 | Окончательный вариант принят к публикации 09.07.2021

Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Атанова С.А. “Прикладной ориентализм” франкоязычных травелогов о Центральной Азии // Этнографическое обозрение. 2022. № 3. С. 124–141. <https://doi.org/10.31857/S0869541522030071> EDN: HVJBQW

Atanova, S.A. 2022. “Prikladnoi orientalizm” frankoiazыchnykh travelogov o Tsentral’noi Azii [The “Applied Orientalism” of French Travelogues on Central Asia]. *Etnograficheskoe obozrenie* 3: 124–141. <https://doi.org/10.31857/S0869541522030071> EDN: HVJBQW

зовании сведений, из них почерпнутых. Не претендуя на перечисления всех ученых, обращавшихся к путевым очеркам о Центральной Азии, назову следующих: французский востоковед Поль Пельо (1878–1945) с работой о Марко Поло (*Pelliot* 1958), советский историк-библиограф Ольга Маслова, осветившая в четырех выпусках своей монографии цели и характер русских путешествий и экспедиций в Центральную Азию в период с 1715 по 1886 г. (*Маслова* 1955, 1956, 1962, 1971), русский востоковед Владимир Бартольд, в своей фундаментальной работе о тюрках (*Бартольд* 1993) неоднократно ссылавшийся на сведения, почерпнутые из повествований арабских, китайских и европейских вояжеров. К западноевропейским травелогами об этом регионе, в том числе очерку Анри Мозера, обращаются и современные исследователи (*Амдаев* 2010). Внимание ученых к данному жанру показывает его востребованность в академической среде.

Формат травелога налагает определенные ограничения. Их сочинители являются сторонними наблюдателями, они, как правило, не знают местных языков и не останавливаются подолгу на одной территории. В силу этих причин путешественники не могут в полной мере воспринимать и описывать особенности культуры и общества, с которыми им доводится соприкоснуться. Тем не менее травелоги насыщены личными наблюдениями и так наз. информацией из первых уст – в отличие от основанных на чужих повествованиях литературных сочинений. Например, французский писатель Жюль Верн в своем романе “Клодиус Бомбарнак. Записная книжка репортера об открытии большой Трансазиатской магистральной (Из России в Пекин)” (1893) опирался на сведения, предположительно почерпнутые из работ Наполеона Нея (Napoleon Ney), Поля Надара (Paul Nadar) и Жана Шафанжона (Jean Chaffanjon) (*Gorshenina* 1999: 375)². Однако, несмотря на определенную ценность травелогов как первоисточников, их следует рассматривать критически, поскольку наблюдения и повествования путешественников не лишены предубеждений, стереотипов и клише.

Российские и русскоязычные исследователи приступили к изучению травелогов на французском языке относительно недавно. Одной из первых на записки французских и в целом западных путешественников о Туркестане обратила внимание историк С.М. Горшенина (*Gorshenina* 2003; *Gorshenina, Rapin* 1998). В монографии Р.Ю. Почекаева “центральноазиатская государственность” исключительно подробно освещена через нарративы травелогов, написанных на русском языке (*Почекаев* 2019), а ссылки на западноевропейских путешественников достаточно ограничены: так, из франкоязычных вояжеров упомянут только Мозер. В другой работе, рассматривая государственно-правовую систему Восточного Туркестана, автор ссылается на российских и британских путешественников (*Почекаев* 2017: 170–178). М. Лаумулин в своей монографии о развитии востоковедных школ, изучающих Центральную Азию, в том числе уделяет внимание путешественникам, посетившим регион во второй половине XIX в. В его исследовании кратко представлены путевые заметки и деятельность Генри Лансделла (1841–1919), Арминия Вамбери (1832–1913), Анри Мозера, Люси и Томаса Аткинсонов (*Лаумулин* 2015). Среди других работ по теме на русском языке – изданная в Алматы многотомная серия “История Казахстана в западных источниках XII–XX вв.”, в восьмом томе которой представлен перевод на русский язык отдельных фрагментов из публикаций супругов Люси (1817–1893) и Томаса Аткинсонов (1799–1861) (*Ерофеева* 2006: 205–310). Д. Мелентьев в статье о репрезентациях образа мусульманской женщины дореволюционного Туркестана, созданных европейскими и русскими исследователями, ссылается

на несколько англоязычных путешественников и их французского коллегу и фотографа Гюго Крафта (*Мелентьев* 2020). В этой статье я, продолжая предшествующие исследования, собираюсь рассмотреть повествования четырех франкоязычных путешественников, посетивших Центральную Азию во второй половине XIX в. и оставивших любопытные сведения о регионе.

Эти сведения – о благодатном влиянии колониального правления, о мужественных, образованных и любезных представителях царской власти (чиновниках, военных и простых солдатах), о “стройках века” (инфраструктурных преобразованиях и техническом прогрессе). Травелогисты, с одной стороны, сообщают о благах цивилизации, привнесенных в “отсталую” Центральную Азию, подчеркивают прогрессивность русской власти, действующей на окраинах цивилизационного мира, и тем самым поддерживают колониальную экспансию. С другой – рассказывают о народах региона и их традициях, о ремеслах и занятиях, объектах материальной культуры и т.д. Каково же было назначение этих повествований, вписывающихся в “ориентальный дискурс” (*Said* 2003: 6) представителей Запада или выходящих за его рамки?

Путешественники наряду с учеными-исследователями, литераторами и имперскими властями³ были вовлечены в формирование и распространение дискурса, «основанного на онтологическом и эпистемологическом различии “Востока” и (почти всегда) “Запада”» (*Said* 2006: 9). Как отмечал Эдвард Саид, в завоевании Востока Западом европейцы видели “не покорение, а освобождение” (Там же: 272). Эта идея была не нова: крестовые походы, как считали средневековые хронисты, также несли освобождение, и “каждый аплодировал победе христиан” (*Simon* 2015: 416). Столетия спустя после первого похода крестоносцев Наполеон Ней цитирует в своем травелоге французского инженера Шарля Котара, высказавшегося о завоевании Центральной Азии: “Российская империя выполнила цивилизаторскую миссию в краю варваров” (*Neu* 1888: 271). Вооружившись лозунгом о цивилизаторской миссии, имперское правительство поощряло производство новых знаний и смыслов о Русском Туркестане. Я называю этот процесс и его результат “прикладным ориентализмом”, позаимствовав термин у Александра Моррисона, который в авторской трактовке звучит следующим образом: «Использование востоковедов и знаний, которые они производят, для нужд колониальных государств, а также фактическое влияние “востоковедческих” взглядов на колониальное управление и законодательство» (*Morrison* 2009: 622).

Применение этого концепта в отношении путешественников и их повествований расширяет его рамки на следующем основании: антропологические, этнографические, географические и прочие сведения из путевых очерков, вкуче с собранными ими естественнонаучными коллекциями и коллекциями материальной культуры, служили интересам колониальных держав.

Роль востоковедов и прикладное значение их знаний обсуждается в критической дискуссии Адеба Халида и Натаниэля Найта, в центре которой – монография Эдварда Саида “Ориентализм” (*Said* 2003). Не буду приводить дискуссию полностью и остановлюсь на моментах, отражающих направление моего исследования. Халид соглашался с Саидом в том, что “научные дисциплины не были столь независимы от государства, как они сами о себе заявляли <...> Так же, как в Англии или Франции, в России государство сочло знания востоковедов полезными для своих целей и поэтому обеспечило востоковедам дорогу к власти” (*Халид* 2005: 318). Хотя он не утверждал, что сотрудничество между востоковедами и властью имело обязательный характер, совокупность его выводов на

это указывает. Найт придерживался иной позиции, и на примере русского востоковеда Василия Васильевича Григорьева, служившего Российской империи в Оренбурге, он показал, что союзы между востоковедами и имперской властью были возможны, но не обязательны: “Как и Халид, я признаю, что культурная и академическая элиты могут вступать в союз с государственной властью, но я не верю, что такие союзы возникают автоматически, что имперская власть и производство знаний являются единым предприятием, где ни одна из сторон не может существовать без другой” (*Haïm* 2005: 328–329). Разделяя точку зрения американского историка, я не могу не согласиться с замечанием Халида о том, что имперские чиновники и военные ценили полезность знаний в целом (*Vert и др.* 2005).

В этой работе я бы хотела обратить внимание на то, как переплетались активности франкоговорящих путешественников/исследователей, не обязательно востоковедов, с деятельностью таких империй, как Россия и Франция, и как этот “союз власти и знаний” между правительствами и академическими/культурными элитами, в том числе французскими исследователями и русскими властями, стимулировал практики “прикладного ориентализма” и оказывал взаимное влияние на каждую из вовлеченных сторон⁴.

Цели и задачи, образование и социальное положение рассматриваемых путешественников отличались. Исследователь Габриэль Бонвало (1853–1933), испытывающий живой интерес к этнографии, геологии, флоре и фауне доктор наук Гийом Капюс (1857–1931), бывший военный Жюль Наполеон Ней (1849–1900), предприниматель и искатель приключений Анри Мозер (1844–1923) предлагают собственное видение Центральной Азии и народов края. Французских подданных Бонвало, Капюса и Нея объединяет их проправительственная позиция (они были представителями французских властей и сотрудничали с российскими имперскими структурами). Швейцарец Мозер не представлял французское правительство, но сотрудничал с российскими властями (однако это сотрудничество не заладилось в самом начале, и тем любопытнее будет противопоставить его повествование травелогам трех других путешественников). Его сочинение, написанное на французском языке, вписывается во франкоязычное пространство.

Путешественники и путешествия

Во второй половине XIX в. российская держава продолжила расширять свои владения в Центральной Азии. Противостоять ей пыталась Британская империя, которая к тому времени прочно обосновалась в Индии, укрепляла свои позиции в Афганистане и пыталась наладить взаимоотношения с правителями Туркестана. Не участвуя напрямую в британско-русском противостоянии, Французская Республика была вовлечена в него косвенным образом. Франция, давняя соперница “британского льва”, была на стороне “русского медведя”⁵, что обеспечило французским подданным благожелательный прием и содействие русских властей в Центральной Азии. Как сообщает Ней в своем сочинении «“На всех парах” в Центральную Азию», для доступа в Закаспийскую область иностранцам требовались специальные разрешения – “открытые листы”, которые в основном выдавались французам: “В последние годы доступ в Закаспийский край был разрешен только французам <...> Многим немецким и английским путешественникам было отказано в получении “открытых листов” (*Neu* 1888: 312). Для французских подданных действительно существовали преференции – они

быстрее получали право на въезд, располагали относительной свободой перемещения, за ними не велся надзор полиции, в том числе негласный, они даже получали материальную поддержку. Однако все вышеперечисленное не привело к численному превосходству франкоязычных путешественников в регионе. Согласно имеющимся данным, Бухарский эмират во второй половине XIX в. посетило гораздо больше английских и немецких путешественников, нежели французских (Горшенина 1999: 98–99).

Военный и дипломат Наполеон Ней посетил Туркестан в 1888 г. Внук прославленного маршала Мишеля Нея и внебрачный сын Жозефа Наполеона Нея, принца де ла Москова, Ней остался без отца в возрасте восьми лет. Он проходил военную службу в последние годы Второй империи: был волонтером французской армии во время франко-прусской войны, отличился при осаде Парижа и проявил храбрость в сражении при Бузенвале. За время своей военной карьеры Ней служил в Алжире, Испании, Португалии и Тунисе и вышел в отставку в 1883 г. Как председатель Общества коммерческой географии (*Société de Géographie Commerciale*) он активно участвовал в репрезентативных и дипломатических миссиях. В октябре 1886 г. в составе парламентской делегации Французской Республики Ней был приглашен на торжества по случаю открытия статуи Свободы в США. Его перу также принадлежит ряд работ (см.: *Neu* 1874, 1877, 1879, 1888, 1890).

В Центральную Азию Ней отправился по приглашению генерала Михаила Николаевича Анненкова, с которым Ней познакомился в Париже. Русский генерал предложил гостям посетить торжественное открытие Самаркандского участка Закаспийской железной дороги, и Ней с энтузиазмом принял приглашение (*Neu* 1888: 283–284). Покинув Париж в начале мая 1888 г., за месяц с небольшим Ней посетил Крым, Кавказ и Центральную Азию. Он начал свое путешествие в Центральную Азию на пароходе из Баку в Узун-Ада в компании с виконтом Мельхиором де Вогюэ, французскими офицерами Гюставом Леоном Ниоксом, Морисом Байу, Фернаном д'Орвалем и де Константаном, проследовав далее по только что отстроенной железной дороге в Самарканд. Кроме Самарканда Ней посетил Ашхабад, Кызыл-Арват, Мерв, Чарджоу, Фараб, Бухару и Теджен. Путешественник подробно описывает каждый день своего маршрута (трудности железнодорожного строительства, архитектурные достопримечательности) и дополнительно сообщает о “туземных” обитателях Российской империи. Несмотря на неточности в указании дат, описании событий или местных традиций, очерк Нея содержит оригинальный материал о развитии сети железных дорог в Российской империи, о строительстве Закаспийской железной дороги, о торжественных мероприятиях, о русских чиновниках. Ней не сообщает, что его, как и виконта де Вогюэ, пригласили на открытие Самаркандского участка Закаспийской железной дороги благодаря его писательскому таланту. После возвращения во Францию в 1888 г. Ней и де Вогюэ в 1892 г. опубликовали свои травелоги, в которых значительное место было уделено железнодорожной магистрали, связавшей территорию Туркестана с метрополией (см.: *Espagne et al.* 2016: 573; de Vogüé 1892). Тем самым оба повествования осветили прогрессивное влияние Российской империи на завоеванные территории Центральной Азии.

Французский исследователь и писатель Габриэль Бонвало изрядно поездил по миру, маршрут его путешествий пролегал от Центральной Азии до Африки. В 1887 г. он пересек Памир, чтобы добраться до Индии, сопровождал принца Генри Орлеанского в путешествии до Ханоя через Туркестан и Тибетское нагорье в 1889–1890 гг., а в 1898 г. был призван французским правительством

для участия в операции по свержению махдистов в Судане (*Grenard 1934: 211*). В 1894 г. Бонвало основал проколониальное общество *Comité Duplex*, “дабы привлечь внимание к колониям, узнать их наилучшим образом и подготовить к колониальной жизни молодых французов, которые готовы стать колонистами” (*La France 1908: VI*). Общество возникло одновременно с французским Министерством по делам колоний⁶. О *Comité Duplex* и его целях подробно рассказывает газета *La France de Demain*: “Комитэ Дюплекс поддерживает стремление молодых французов отправляться за границу, сообщает им адреса семей, которые могут их принять, и для особенно достойных выделяет стипендии на поездку” (*Ibid.: VI*). Общество вело бурную деятельность, его членами были представители академических и правительственных кругов. Травелог “В Центральной Азии: из Москвы в Бактрию” рассказывает о первой экспедиции Бонвало в Русский Туркестан⁷ в 1880–1882 гг. (*Bonvalot 1884*; также см. другие работы исследователя: *Bonvalot 1885, 1897, 1899*). Сопутниками Бонвало по экспедиции, профинансированной французским правительством, были художник-иллюстратор Альбер Пепин (1849–1917) и доктор естественных наук Гийом Капюс.

Деятельность Капюса была также связана с колониальными проектами. Он работал преподавателем в Колониальной школе и Колониальном институте агрономии, был вице-президентом Общества коммерческой географии и одним из членов-основателей Академии колониальных наук. После посещения региона он оставил несколько работ, (см. в том числе: *Capus 1890a, 1890b, 1891*). Я остановлюсь на его сочинении “Через царство Тамерлана (Центральная Азия). Путешествие в западную Сибирь, Туркестан, Бухарию, берега Аму-Дарьи, в Хиву и Усть-Юрт” (*Capus 1892*).

Наследник швейцарской часовой династии Анри Мозер родился в Санкт-Петербурге и в пятилетнем возрасте был отправлен в Шаффхаузен, в Швейцарию. Здесь он получил начальное образование, а степень бакалавра – в Женеве. Мозер поступил в швейцарскую кавалерию, дослужился до лейтенанта (1863), и позже стал адъютантом главного инспектора швейцарской армии (1864). В 1865 г. он вернулся в Россию. Отец хотел, чтобы сын пошел по его стопам, но Анри манили экзотические страны и путешествия. В 1867 г. будущий почетный член восьми географических обществ посетил Сибирь, а в 1868 г. отправился в Русский Туркестан. Предприимчивый швейцарец среди прочего был увлечен желанием наладить торговлю шелкопрядом, чрезвычайно популярным и дорогим товаром той эпохи. Однако первая поездка, как и его торговые планы, не была успешной. В 1869 г. состоялось второе путешествие, а в 1882–1883 гг. он совершил третье. О своих путешествиях по Туркестану Мозер рассказал в заметках для женевской газеты и на одном из заседаний Парижского географического общества. Богато иллюстрированная книга “Через Центральную Азию – киргизскую степь, Русский Туркестан, Бухару, Хиву, страну туркмен и Персию, впечатления о путешествии” (*Moser 1886*) стала итогом его публицистической активности и вышла из печати в парижском издательстве⁸.

“Прикладной ориентализм” и травелоги

Судя по огромному количеству травелогов, появившихся во второй половине XIX в., этот литературный жанр был крайне популярен. Почему? Мозер на первых страницах своего сочинения пишет, что благодаря повествованиям о путешествиях в его душе родилась “страсть к неизведанному” (*Moser 1886: 7*).

Путевые очерки не только вызвали стремление к путешествиям и открытиям, но и ваяли имперское сознание жителей метрополий; они определяли их привилегированную роль и место в колониальной картине мира. У современников “они (книги о путешествиях. – С.А.) вызвали любопытство, волнение, жажду приключений и даже моральный пыл в отношении европейского экспансионизма” (Pratt 2008: 3). Другой сильный мотиватор – экономические интересы, которыми был особенно увлечен Мозер, чей травелог начинается с рассказа о проекте по поставке коконов шелкопряда из Туркестана в Италию. Дело в том, что с 1850 г. заболевание, известное как пембрина шелкопряда, поразило тутовый шелкопряд Европы и чуть не разрушило итальянское шелкопроизводство (Turina 2021). Предприимчивый Мозер решил организовать поставки коконов шелкопряда в Италию. Его идею поддержал сначала генерал-губернатор Туркестана Константин Петрович фон Кауфман, а затем канцлер Александр Михайлович Горчаков: “Моими планами заинтересовался князь Горчаков, и мне удалось доказать, на основании составленных мною отчетов, что этот новый предмет вывозной торговли мог бы приобрести со временем огромное значение и что Центральная Азия будет в состоянии доставлять ежегодно коконов шелковичного червя на 25 миллионов франков” (Moser 1886: 9).

С согласия канцлера Мозер организовал общество по закупке коконов во Флоренции. Но, вернувшись в Ташкент, швейцарец обнаружил, что ситуация изменилась:

Я и не подозревал, какой прием ожидает меня в Ташкенте, куда я приехал теперь в качестве уполномоченного от азиатского департамента. Генерал Кауфман принял меня довольно холодно и, услышав о переговорах, веденных мною в Италии, его превосходительство объявил мне, что он воспрещает впредь вывоз коконов шелкопряда из Туркестана и что мне остается возвратиться в Петербург и объявить моим покровителям, что если они считают себя всемогущими в столице, то в провинции полновластным хозяином является только он (Ibid.: 9).

Хотя генерал-губернатор Кауфман отказал Мозеру в поддержке, и экспорт шелкопряда из Туркестана в Италию так и не был реализован, попытка использовать знания о Туркестане для получения экономической выгоды представляет собой наглядный пример “прикладного ориентализма” с участием нескольких сторон – российский имперских властей, швейцарского путешественника и итальянских предпринимателей. В аналогичном ключе видятся многочисленные повествования про базары, главный экономический институт края:

Обнесенный крепостной стеной древний город Кунград является отправной точкой для маршрута из Усть-Юрта <...>. В городе находятся два базара, куда окрестные жители поставляют свою ремесленную продукцию, дабы обменять ее на товары русских мануфактур. Каждый год в эти плодородные равнины съезжаются на зимовку кочевые киргизы, русские и хивинцы (Ibid.: 59).

В Ташкенте базар занимает огромное пространство; это город в городе <...> медники, ювелиры, но особенностью города являются изысканные вышивки на сукне, бархате и хлопчатобумажных тканях. К сожалению, старинные узоры вытеснили орнаменты, выполненные на европейский вкус (Ibid.: 105).

Бухарский базар делится на пятьдесят самостоятельных базарных рядов в стенах города, двадцать – за его стенами. Каждая специализация продается в определенном ряду “тимэ”⁹, здесь около сорока караван-сараяв, принадлежащих либо эмиру, либо являющихся вакуфной собственностью. Ковровый базар является одним из самых любопыт-

ных для посещения, здесь можно увидеть все разновидности ковров, от скромного кошевого войлока до самых роскошных произведений. Главным товаром Бухарии является хлопок (Ibid.: 172–173).

Капюс, рассказывая о базаре в Аулие-Ата, обращает внимание на пользующиеся спросом товары:

Мы отправились на базар, который был очень оживленный, очень “ориентальный”. Беспорядок и грязь придают ему живописности. Базар контрастировал с красивыми и широкими улицами, аккуратными домами и прекрасными фруктовыми садами небольшого русского квартала. Спустившиеся с гор кара-киргизы покупали на базаре русские хлопчатобумажные ткани, местные чалмы, ткани канаус и мата, нитки, булавки, сартянские ножи, конную упряжь и пр. (Carpus 1892: 65).

Наряду с повествованиями о базарах, экономическо-этнографическую картину Туркестана второй половины XIX в. дополняют сведения о народах края. Так, Мозер сообщает о сартах Ташкента следующее:

Русские называют сартов оседлыми жителями Туркестана, коими нельзя назвать ни киргизов, ни узбеков. Вероятно, именно сарты являются автохтонами этого края, покоренные узбекскими завоевателями, они утратили отличительные черты как своей расы, так и языка, персидского по происхождению <...>. Как правило, каждый сарт – это купец, только бедные занимаются сельским хозяйством. Сарт обривает голову полностью и носит головной убор “тупэ”¹⁰, маленькую шапочку, вышитую более или менее богато, в зависимости от социального положения ее владельца. По особым случаям тупэ покрывается тюрбаном “чалма” из белого муслина для мулл или священников, из шерсти или синей хлопчатобумажной ткани для торговцев и красной для воинов. Сарт носит “кауши”¹¹, своего рода галоши <...>, рубашку с открытым воротом, панталоны “чалвар”¹² из хлопка и куртку с узкими рукавами “бешмет”. Верхней одеждой служит халат с такими длинными рукавами, что даже перчатки не нужны. <...> Красота сартянок в их больших миндалевидных глазах, чье сияние они умело подчеркивают при помощи макияжа <...>. Велико значение ювелирных украшений в туалете сартянки: золотые и серебряные, с бирюзой, изумрудами, рубинами, агатами и т.д. (Moser 1886: 68–72).

Этнографические сведения о занятиях, одежде, ювелирных и косметических предпочтениях сартов и сартянок Ташкента позволяют в том числе узнать, какие товары – например, ткани и одежда – могут быть востребованы для торгового импорта/экспорта. В целом в своем очерке о народах Центральной Азии швейцарский путешественник следует классической этнографической схеме: сперва освещает их физико-антропологические характеристики, затем описывает их образ жизни, обычаи и сферу материальной культуры (жилище-ремесла-одежда). Вот что он сообщает о туркменах:

Все туркмены говорят на одном языке, все они сунниты-магометане <...> Несмотря на простоту, костюм туркменки племени теке наилучшим образом показывает ее красоту: просторное платье из красного или синего шелка, без пояса. Вокруг шеи и до самой талии платье украшают монеты и серебряные пластинки, образуя своеобразный нагрудник, к которому добавляются маленькие серебряные бубенцы, которые звенят при каждом шаге. О, эти монеты, эти пластинки, эти колокольчики и браслеты <...> На голове замужние женщины носят маленькую круглую, вышитую шапочку, девушки ничем не покрывают свои роскошные косы. <...> Текинка – настоящая мастерица, наши прекрасные дамы в Европе были бы очень удивлены, увидев, какие изящные работы творятся руками туркменки. Их вышивки на пюрэнджиках¹³ – удивительно прекрасны, а туркменские ковры являются самыми красивыми и долговечными (Ibid.: 330).

С 1940-е по 1980-е годы по аналогичной схеме описывали народы Центральной Азии советские этнографы, а ранее российские¹⁴. Любопытно встретить схожую логику во франкоязычных тревелогах XIX в. Например, Бонвало отмечал особенности типового дома сартов Ташкента (разделение на *бала-хана* и *мехман-хана*); также он оставил интересные замечания касательно местной вестиментарности¹⁵:

Сарты проживают в глиняных домах, чьи серые стены оставляют удручающее впечатление у европейца. Нужно согнуться в три погребели, дабы войти в эти мрачные комнаты с низкими потолками. Кажется, что человек, привыкший жить в подобных условиях, способен только на нехорошие мысли (*Bonvalot 1884: 38*).

Костюм сарта, как и его жилище, не отличаются разнообразием. Мода отсутствует в этих краях. Для изготовления одежды не снимаются мерки. Все сарты носят одинаковую, сшитую на один манер одежду (*Ibid.: 43*).

Рассказывая о простоте одежды сартов Ташкента, Бонвало, как и Мозер, выявляет различия в чалме для военных, духовных лиц, торговцев, бедняков и богачей (*Ibid.: 44–45*). Заметки о чалме противоречат заявлению об однотипности наряда у сартов: некие различия все-таки были. Но Бонвало не признает их в своих выводах, довольствуясь тезисом об одинаковости “туземной” одежды. Не менее категоричны его выводы о местных обычаях:

Готовясь к браку, девочки должны научиться шить и вышивать. Ценность невесты зависит от ее рукодельных умений. И ее отец вправе требовать самый высокий калым от жениха. Здесь брак – всего лишь сделка между отцами семейств, чей авторитет и решения не оспариваются. Решая судьбу дочери, стороны не ведут долгих дискуссий, все решается очень быстро. В сравнении, торги по лошади длятся намного дольше (*Ibid.: 47*).

В описании брачного обряда, жилья и одежды проступает надменное отношение представителя европейской цивилизации к “варварам” из Туркестана. Перед нами второй пример “прикладного ориентализма”, чье назначение в более узком плане – объяснить и легитимировать колонизацию “отсталых” сартов прогрессивной Российской империей, в более широком – колонизацию европейскими державами территорий и автохтонных народов Австралии, Африки и Азии. Нарративы Нея подчиняются сходной логике, обосновывая колониальное продвижение и противопоставляя “цивилизovanную” Европу/Россию “варварской” Центральной Азии: “Цивилизованный мир в лице России присоединил этот край, еще вчера безымянный, к своим владениям. Россия принесла в старую Азию прогресс и просвещение” (*Neu 1888: 307*). И далее: “Позиция русских в Центральной Азии – это позиция цивилизованного государства, которое вынуждено контактировать с полудикими кочевыми племенами” (*Ibid.: 212*). Отдельные пассажи дополняют проколониальные доводы экономическими перспективами:

Руководствуясь интересами безопасности и расширяя свои владения, Россия продвигается к менее цивилизованным пограничным территориям. Центральная Азия более не может оставаться в стороне от цивилизации, и должна, по своей воле или нет, приспосабливаться к вызовам европейского прогресса. Именно на Россию, ближайшего соседа Центральной Азии, возлагается цивилизаторская миссия по просвещению этого пока еще варварского края. Несмотря на трудности, Россия упорно выполняет эту миссию. Поэтому она поддерживает проект транзитного пути, который станет самым мощным и эффективным инструментом цивилизации для всего азиатского края и в то же время откроет путь мировой торговле (*Ibid.: 271*).

Капюс сравнивает “научную экспедицию с мирным завоеванием, которое прежде всего должно служить интересам академического мира” (*Capus* 1892: VI–VII), и его информационно насыщенный очерк не оставляет сомнений в серьезности этого заявления. Французского ученого интересует буквально все: базары и кошмы Чуйской долины¹⁶, климат в Семиречье и оросительные каналы в Джизаке, вараны Термеза и бухарская гастрономия, местная музыка и танцы, памятники региона и т.д. Впечатляют и предваряющий очерк словарь “туземных слов”, и авторские построчные комментарии: так, о ярмарке в Нижнем Новгороде исследователь сообщает, что она существует с XV в., товары поставляют страны Европы, Центральной Азии, Персия и Китай, и в 1884 г. сумма сделок на ярмарке достигла 169 млн руб., из которых на долю западно-европейских стран пришлось всего 9 млн, тогда как Китай только за торговлю чаем выручил 19 млн руб. (*Ibid.*: 3). Столь насыщенное повествование превосходит по информативности очерк Бонвало, в котором, кроме этнографических сведений, также содержатся данные по географии, флоре и фауне. В результате экспедиции Бонвало и Капюса Парижский музей естествознания (*Dupaigne* 2001)¹⁷ пополнился коллекцией экспонатов, а также были исправлены неточности в картах Центральной Азии (*Bonvalot* 1897: 2)¹⁸. Итоги этой экспедиции, снаряженной на государственные средства, демонстрируют третий пример практического применения знаний, почерпнутых из поездки Бонвало и Капюса по Центральной Азии¹⁹.

Травелог Бонвало и Капюса отражает вовлеченность не только французской державы, но и русских властей в производство знаний о Центральной Азии и в практики “прикладного ориентализма”. Участие последних в случае франкоязычных путешественников сводится к “незримому присутствию”: с их разрешения и при активной поддержке иностранные путешественники приехали в край, собирали сведения о регионе, научные и ремесленные артефакты²⁰. Аналогичное участие прослеживается и у Наполеона Нея, ведь французский военный и дипломат, как говорилось выше, прибыл по личному приглашению генерала Анненкова²¹ и путешествовал в составе представительской французской делегации. Поездки Мозера были бы также невозможны без поддержки русской администрации, в особенности генерала Михаила Григорьевича Черняева²², которому и посвящено его сочинение.

Запад и не-Запад

То, что оппозиция Запада и Востока, описанная в рамках “ориентального дискурса” Эдварда Саида, продолжает вызывать критические обсуждения и публикации, является скорее достоинством, нежели недостатком его работы. А путевые очерки, в том числе Мозера, Бонвало, Капюса и Нея, предлагают богатый материал для критической дискуссии; сведения, из них почерпнутые, позволяют увидеть разнообразие практик и событий, общие процессы и сходства между одними колониями и другими, обмена между ними и их влияние друг на друга. В этих практиках и процессах кроется в том числе их прикладное значение.

Во второй половине XIX в. Центральная Азия была поделена на сферы влияния между Великобританией и Россией²³; таким образом, французские экспедиции в регион преследовали не территориальные, а экономические (поиск новых рынков импорта/экспорта, источников сырья) и научно-исследовательские

интересы (сбор географических, геофизических и этнографических данных, картографирование, наблюдение за флорой и фауной). Поэтому французское правительство поддерживало исследовательские экспедиции в регион и поощряло отдельных исследователей, включая Нея, Бонвало и Капюса. Мозер не опирался на финансовую поддержку Франции или Швейцарии и, хотя одну из его поездок поддержал русский генерал Черняев, швейцарский путешественник в основном действовал на свой страх и риск. В силу ряда различий между путешественниками отличаются и их повествования, но у всех троих, за исключением, пожалуй, только Капюса, сохраняется “ориенталистский” взгляд на край и его обитателей.

В процессе создания “колониального знания” о Центральной Азии франкоязычные исследователи собирали географические, экономические, этнографические и прочие данные, которые определенным образом интерпретировались и использовались. Эти данные, как и репрезентации Центральной Азии в путевых очерках, становились частью практик “прикладного ориентализма”, чьи примеры не ограничиваются приведенными в настоящей статье²⁴. Разделяя мир на бинарные категории – цивилизация и варвары, прогресс и отсталость, Восток и Запад, – травелогги предлагали легитимационные обоснования для колонизаторов и их завоеваний. Тем самым записки франкоязычных путешественников второй половины XIX в. и распространяли колонизаторскую логику, и содействовали колониальной экспансии, вовлекая Центральную Азию в планы мировых держав.

Наряду с прикладной нагрузкой, деконструкция западноевропейских травелогов позволяет различить голоса Центральной Азии XIX в. – мужчин и женщин, горожан и кочевников, правителей и сановников, торговцев и ремесленников, ученых мулл и отважных джигитов. Иногда в полную силу, иногда между строк – эти голоса определенно слышны в путевых очерках западноевропейских путешественников, наряду с голосами представителей российских колониальных властей, переселенцев в регион, других путешественников и европейцев-соотечественников. Эти голоса придают новые смыслы повествованию Запада о Востоке, позволяя добавить новые эпизоды в дискуссию о “нас” и о “других”. Эти эпизоды я надеюсь проанализировать в следующей статье.

Благодарности

Выражаю признательность рецензентам статьи за замечания и комментарии, высказанные в ходе работы над первоначальным вариантом.

Примечания

¹ Травелогги исследуются также литературоведами (см.: Пономарев 2020).

² Надар и Ней путешествовали в регионе буквально перед выходом романа Жюль Верна. Травелог Нея с детальным описанием Закаспийской железной дороги, о которой пишет Жюль Верн в своем романе, опубликован в 1888 г. Фотограф Надар, который посетил Центральную Азию в 1890 г. и привез богатую коллекцию фотоснимков региона, в том числе запечатлевших Закаспийскую железную дорогу, был знаком с писателем.

³ О том, как колониальные чиновники собирали и производили знания о Центральной Азии и ее народах, более подробно см.: Бисенова 2021; Абашиш 2022.

⁴ Интерес к российским колониальным владениям проявляли в том числе британские и немецкие путешественники/исследователи, но, кажется, именно представители Франции и Швейцарии преуспели в налаживании сотрудничества с российскими властями.

⁵ Аллегии “британский лев” и “русский медведь” появились после публикации в британском сатирическом издании *Punch*, или *The London Charivari* (1841–1992), карикатуры “Спасите меня от моих друзей” (*Save me from my friends*). Карикатура времен “Большой игры” представляла афганского эмира Шир-Али между медведем (Российская империя) и львом (Британская империя).

⁶ Структура по делам колоний существовала в Министерстве Военно-морского флота Французской империи с 1710 г. С 1881 по 1893 г. эта структура попеременно подчинялась то Министерству торговли (Министерству торговли и промышленности в 1893–1894 гг.), то Министерству военно-морского флота, и только в 1894 г. обособилась в отдельное Министерство колоний (см.: *Decléty* 2004: 23).

⁷ Бонвало принял участие в трех экспедициях в Центральную Азию.

⁸ Другая работа путешественника – *L'Irrigation en Asie centrale* (1894) – рассматривает историю ирригации края, а также климатические и метеорологические особенности.

⁹ *Тимэ*, в других вариантах – *тим* (узб.) – пассаж на базаре.

¹⁰ *Тунэ* (узб.) – тубетейка.

¹¹ *Кауш* означает “обувь” во многих тюркских языках.

¹² *Чалвар*, или *шалвар*, – обозначение панталон в тюркских языках.

¹³ *Пюренджек* (туркм. *pürenjek*) – туркменский женский халат, расшитый вышивкой, который накидывался на голову.

¹⁴ Напр., русский этнограф Самуил Дудин (см.: *Емельяненко* 2021).

¹⁵ Советские этнографы, проводя исследования в регионе, в первую очередь обращали внимание на занятия, одежду и жилище (см. дневники Г.П. Васильевой за 1965, 1966, 1969, 1971 г., хранящиеся в Научном архиве ИЭА РАН).

¹⁶ Капюс описывает изготовление войлочного ковра у киргизов – *ала кийиз*.

¹⁷ Предшественником был Этнографический музей Трокадеро (*Musée d'Éthnographie du Trocadéro*), основанный в 1882 г. и преобразованный в антропологический музей (*Musée de l'Homme*) в 1937 г. Ныне он является филиалом Парижского музея естествознания.

¹⁸ Работу дополняет большое количество иллюстраций, а также карта Туркестанского генерал-губернаторства с указанием маршрута французской экспедиции.

¹⁹ Экспедиция Мозера также вписывается в этот пример, поскольку его лекция по материальной культуре Центральной Азии была передана в Исторический музей Берна.

²⁰ Кроме письменных описаний Центральной Азии, Капюс привез из экспедиции множество научных экспонатов для Национального музея естествознания в Париже, сотрудником которого он являлся.

²¹ М.Н. Анненков (1835–1899) – русский генерал от инфантерии, член Военного совета, строитель Закаспийской железной дороги.

²² М.Г. Черняев (1828–1898) – русский генерал, генерал-губернатор Туркестана.

²³ В 1885 г. было заключено “Соглашение между Россией и Великобританией о разграничении афганских владений”, установившее границу между Герирудом и Аму-Дарьей.

²⁴ Сравнительные аналогии между французскими колониями в Северной Африке и Русским Туркестаном, которые проводит в своем очерке Ней, – еще один пример “прикладного ориентализма”. Замечательные примеры таких аналогий см. также в: *Бобровников* 2010: 182–209.

Источники и материалы

- Bonvalot* 1884 – *Bonvalot G.* En Asie centrale: de Moscou en Bactriane. Paris: Plon, 1884.
- Bonvalot* 1885 – *Bonvalot G.* En Asie centrale. Du Kohistan à la Caspienne. Paris: Plon, 1885.
- Bonvalot* 1897 – *Bonvalot G.* Le toit du monde. Paris: Plon, 1897.
- Bonvalot* 1899 – *Bonvalot G.* Tachkent. Paris: Plon, 1899.
- Capus* 1890a – *Capus G.* Le Kafiristane et les kafirs siahpouches. Paris: Bibliothèques des annales économiques. Société d'édition scientifique, 1890.
- Capus* 1890b – *Capus G.* Le Toit du monde (Pamir). Paris: Librairie Haichette et Cie, 1890.
- Capus* 1891 – *Capus G.* Promenade hygiénique en Asie centrale. Paris: Publication de la Polyclinique de Paris, 1891.
- Capus* 1892 – *Capus G.* A travers le Royaume de Tamerlan (Asie Centrale). Voyage dans la Sibérie occidentale, le Turkestan, la Boukharie, aux bords de l'Amou-Daria, à Khiva et dans l'Oust-ourt. Paris: A. Hennuyer, 1892.
- de Vogüé* 1892 – *de Vogüé E.-M.* Lettres D'Asie Le Chemin De Fer De Samarcande. Paris: Gautier, 1892.
- La France 1908 – La France de demain. Paris. Juin 1908. № 139.
- Moser* 1886 – *Moser H.* A travers l'Asie centrale, la steppe kirghize, le Turkestan russe, Boukhara, Khiva, le pays des Turcomans et la Perse, impressions de voyage. Paris: Librairie Plon, 1886.
- Ney* 1874 – *Ney N.* Manuel du volontariat d'un an. Paris: Firmin-Didot frères, fils et Cie, 1874.
- Ney* 1877 – *Ney N.* Histoire de la carte d'état-major. Paris: Ch. Delagrave, 1877.
- Ney* 1879 – *Ney N.* Résumé de l'historique du 36e régiment d'infanterie de ligne. Caen: imp. Valin, 1879.
- Ney* 1888 – *Ney N.* En Asie centrale “à la vapeur”. Paris: Garnier Frères, 1888.
- Ney* 1890 – *Ney N.* Un Danger européen: les sociétés secrètes musulmanes. Paris: G. Carré, 1890.

Научная литература

- Абашин С.Н.* Был ли российский этнограф в Средней Азии колонизатором? Антропологии / *Anthropologies*. 2022. № 1. С. 5–12. <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2022-1/5-12>
- Атдаев С.Д.* Туркмены Хивинского ханства в XVIII в. Казань: ИГМА-Пресс, 2010.
- Бартольд В.В.* Тюрки: двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. Алматы: Жалын, 1993.
- Бисенова А.Ж.* Поле и жизнь: размышления “укорененного” антрополога // Социология власти. 2021. Т. 33 (3). С. 131–148. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2021-3-131-148>
- Бобровников В.* Русский Кавказ и французский Алжир: случайное сходство или

- обмен опытом колониального строительства? // *Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917)* / Ред. М. Ауст, Р. Вульпиус, А. Миллер. М.: НЛО, 2010. С. 182–209.
- Верт П., Кабытов П.С., Миллер А.И.* (сост.) *Российская империя в зарубежной историографии*. М: Новое издательство, 2005.
- Горишенина С.М.* Новые данные к статистике пребывания западноевропейских путешественников в Туркестане второй половины XIX – первой трети XX века // *Общественные науки в Узбекистане*. 1999. № 9–10. С. 97–101.
- Емельяненко Т.Г.* (сост.) *Отчет С.М. Дудина о поездках в Среднюю Азию в 1900–1902 гг.* М.: Фонд Марджани, 2021.
- Ерофеева И.* (сост.) *История Казахстана в западных источниках XII–XX вв.* Т. 8: Первые английские путешественники в Казахской степи. Алматы: Санат, 2006.
- Лаумулин М.* *История Казахстана и Центральной Азии в мировой ориенталистике (к 550-летию Казахского ханства)*. Астана: КИСИ, 2015.
- Маслова О.В.* Обзор русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию. Материалы к истории изучения Средней Азии. Ч. 1: 1715–1856; Ч. 2: 1856–1869; Ч. 3: 1869–1880; Ч. 4: 1881–1886. Ташкент: Изд-во САГУ, 1955; 1956; 1962; 1971.
- Мелентьев Д.* Этнография и эротика в Русском Туркестане // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. 2020. № 38 (2). С. 308–344. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2020-38-2-308-344>
- Найт Н.* О русском ориентализме: ответ Адибу Халиду // *Российская империя в зарубежной историографии* / Сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. М: Новое издательство, 2005. С. 324–344.
- Пономарев Е.* Тревелог vs. путевой очерк: постколониализм российского извода // *Новое литературное обозрение*. 2020. № 166 (6). https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/166_nlo_6_2020/article/22969/
- Почекаев Р.Ю.* *Государство и право в Центральной Азии глазами российских и западных путешественников XVIII – начала XX в.* М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019.
- Почекаев Р.Ю.* Российские и британские путешественники об административных и правовых преобразованиях Якуб-бека в Восточном Туркестане (1860–1870-е гг.) // *Общество и государство в Китае*. 2017. Т. XLVII (1). С. 170–178.
- Саид Э.В.* *Ориентализм. Западные концепции Востока*. СПб.: Русский мир, 2006.
- Халид А.* *Российская история и спор об ориентализме* // *Российская империя в зарубежной историографии* / Сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. М: Новое издательство, 2005. С. 311–323.
- Burke P.* *What is Cultural History?* Cambridge: Polity Press, 2008.
- Burke P.* *The Cultural History of the Travelogue* // *Przegląd Historyczny*. 2010. Т. 101 (1). P. 1–11.
- Decléty L.* *Le ministère des colonies* // *Livraisons d’histoire de l’architecture*. 2004. n° 8. P. 23–39. <https://doi.org/10.3406/LHA.2004.978>
- Dupaigne B.* *Histoire des collections d’Asie du Musée de l’Homme* // *Outre-mers. Revue d’histoire*. 2001. Т. 88 (332–333). P. 129–152. <https://doi.org/10.3406/outre.2001.3885>
- Eisner J., Rubis J.-P.* (eds.) *Voyages and Visions: Towards a Cultural History of Travel*. L.: Reaktion Books, 1999.
- Espagne M. et al.* (éds.) *Asie Centrale: Transferts culturels le long de la Route de la soie*. Paris: Vendémiaire, 2016.

- Gorshenina S.* Premiers pas des archéologues russes et français dans le Turkestan russe (1870–1890): Méthodes de recherche et destin des collections // Cahiers du monde russe: Russie, Empire russe, Union soviétique, États indépendants. 1999. Vol. 40 (3). P. 365–384. <https://doi.org/10.4000/monderusse.17>
- Gorshenina S.* Explorateurs en Asie centrale. Voyageurs et aventuriers de Marco Polo à Ella Maillart. Geneva: Olizane, 2003.
- Gorshenina S., Rapin C.* Voyageurs francophones en Asie Centrale de 1860 à 1932 // Cahiers du Monde russe. 1998. Vol. 39 (3). P. 361–373.
- Grenard F.* Gabriel Bonvalot (1853–1933) // Annales de Géographie. 1934. T. 43 (242). P. 211. https://www.persee.fr/doc/geo_0003-4010_1934_num_43_242_10520
- Morrison A.* “Applied Orientalism” in British India and Tsarist Turkestan // Comparative Studies in Society and History. 2009. Vol. 51 (3). P. 619–647.
- Pelliot P.* Notes sur Marco Polo. Paris: L. HAMBIS, 1958.
- Pratt M.L.* Imperial Eyes: Travel Writing and Transculturation. L.: Routledge, 2008.
- Said E.W.* Orientalism. L.: Penguin Books. 2003.
- Simon J.* The “Feast of the Liberation of Jerusalem”: Remembering and Reconstructing the First Crusade in the Holy City, 1099–1187 // Journal of Medieval History. 2015. Vol. 41 (4). P. 409–431.
- Turina S.* Beyond the Silkworm Eggs. The Role of the Italian Semai (Silkworm Eggs Merchants) in Spreading Knowledge of Japan in Italy in the Second Half of the Nineteenth Century between Art and Science // Journal of Modern Italian Studies. 2021. Vol. 26 (2). P. 141–160. <https://doi.org/10.1080/1354571X.2020.1866292>

Research Article

Atanova, S.A. The “Applied Orientalism” of French Travelogues on Central Asia [“*Prikladnoi orientalizm*” *frankoiazychnykh travelogov o Tsentral’noi Azii*]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2022, no. 3, pp. 124–141. <https://doi.org/10.31857/S0869541522030071> EDN: HVJBQW ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Snezhanna Atanova | <https://orcid.org/0000-0001-9106-2984> | snej.atanova@gmail.com | The Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (12 Rozhdestvenka St., Moscow, 107031, Russia)

Keywords

Central Asia, Russian Turkestan, applied orientalism, French-language travelogues, knowledge production

Abstract

Napoleon Ney, Henri Moser, Guillaume Capus, and Gabriel Bonvalot visited Turkestan in the second half of the 19th century; they chronicled their voyages in travelogues. The fascinating narratives immersed their readers in an atmosphere of adventures and dangers of an unknown land, and in between told us about the history, ethnography, politics, and economy of the region. Did French accounts have any practical significance for colonial powers at that time? In other words, were the economic, geographic, and ethnographic details accompanying the adventures used to make maps, to create plans for trade imports and exports, to gather museum collections, and to conduct academic research? I will attempt to answer these questions by referring to the travelogues of the aforementioned authors and to the concept of “applied orientalism.”

References

- Abashin, S.N. 2022. Byl li rossiiskii etnograf v Srednei Azii kolonizatorom? [Was a Russian Ethnographer in Central Asia a Colonizer?]. *Antropologii/Anthropologies* 1: 5–12. <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2022-1/5-12>
- Atdaev, S.D. 2010. *Turkmeny Khivinskogo khanstva v XVIII v.* [Turkmens of the Khanate of Khiva in the 18th century]. Kazan: IGMA-Press.
- Bartold, V.V. 1993. *Tiurki: dvenadtsat' leksiï po istorii turetskikh narodov Srednei Azii* [The Turks: Twelve Lectures on the History of the Turks of Central Asia]. Almaty: Zhalyñ.
- Bisenova, A.Zh. 2021. Pole i zhizn': razmyshleniia “ukorenennogo” antropologa [Field and Life: Reflections of a “Rooted” Anthropologist]. *Sotsiologiya vlasti* 33 (3): 131–148. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2021-3-131-148>
- Bobrovnikov, V. 2010. Russkii Kavkaz i frantsuzskii Alzhir: sluchainoe skhodstvo ili obmen opytom kolonial'nogo stroitel'stva? [Russian Caucasus and French Algeria: Accidental Similarity or Exchange of Experience of Colonial Construction?]. In *Imperium inter pares: Rol' transferov v istorii Rossiiskoi imperii (1700–1917)* [Imperium inter pares: The Role of Transfers in the History of the Russian Empire (1700–1917)], edited by M. Aust, R. Vulpius, and A. Miller, 182–209. Moscow: NLO.
- Burke, P. 2008. *What is Cultural History?* Cambridge: Polity Press.
- Burke, P. 2010. The Cultural History of the Travelogue. *Przegląd Historyczny* 101 (1): 1–11.
- Decléty, L. 2004. Le ministère des colonies [Ministry of Colonies]. *Livraisons d'histoire de l'architecture* 8: 23–39. <https://doi.org/10.3406/LHA.2004.978>
- Dupaigne, B. 2001. Histoire des collections d'Asie du Musée de l'Homme [History of the Asian Collections of the Musée de l'Homme]. *Outre-mers. Revue d'histoire* 88 (332–333): 129–152. <https://doi.org/10.3406/outre.2001.3885>
- Eisner, J., and J.-P. Rubis, eds. 1999. *Voyages and Visions: Towards a Cultural History of Travel*. London: Reaktion Books.
- Emelianenko, T.G., ed. *Otchet S.M. Dudina o poezdках v Sredniuiu Aziuu v 1900–1902 gg.* [S.M. Dudin's Report on Trips to Central Asia in 1900–1902]. Moscow: Fond Mardzhani, 2021.
- Erofeeva, I.V., ed. 2006. *Istoriia Kazahstana v zapadnykh istochnikakh XII–XX vv.* [History of Kazakhstan in Western Sources of the 12th – 20th Centuries]. Vol. 8, *Pervye angliiskie puteshestvenniki v Kazahskoi stepi* [Pioneering English Explorers in Kazakh Steppe]. Almaty: Sanat.
- Espagne, M., et al., eds. 2016. *Asie Centrale: Transferts culturels le long de la Route de la soie* [Central Asia: Cultural Transfers along the Silk Road]. Paris: Vendémiaire.
- Gorshenina, S. 1999. Premiers pas des archéologues russes et français dans le Turkestan russe (1870–1890): Méthodes de recherche et destin des collections [First Steps of Russian and French Archaeologists in Russian Turkestan (1870–1890): Research Methods and Fate of Collections]. *Cahiers du monde russe: Russie, Empire russe, Union soviétique, États indépendants* 40 (3): 365–384. <https://doi.org/10.4000/monderusse.17>
- Gorshenina, S.M. 1999. Novye dannye k statistike prebyvaniia zapadnoevropeiskikh puteshestvennikov v Turkestane vtoroi poloviny XIX – pervoi treti XX veka [New data to the Statistics of the Stay of Western European Travelers in Turkestan in the Second Half of the 19th and the First Third of the 20th Centuries]. *Obshchestvennye nauki v Uzbekistane* 9–10: 97–101.

- Gorshenina, S. 2003. *Explorateurs en Asie centrale. Voyageurs et aventuriers de Marco Polo à Ella Maillart*. [Explorers in Central Asia. Travelers and adventurers from Marco Polo to Ella Maillart]. Geneva: Olizane.
- Gorshenina, S., and C. Rapin. 1998. Voyageurs francophones en Asie Centrale de 1860 à 1932 [French-Speaking Travelers in Central Asia from 1860 to 1932]. *Cahiers du Monde russe* 39 (3): 361–373.
- Grenard, F. 1934. Gabriel Bonvalot (1853–1933). *Annales de Géographie* 43 (242): 211. https://www.persee.fr/doc/geo_0003-4010_1934_num_43_242_10520
- Khalid, A. 2005. Rossiiskaia istoriia i spor ob orientalizme [Russian History and the Discussion over Orientalism]. In *Rossiiskaia imperiia v zarubezhnoi istoriografii* [Russian Empire in Foreign Historiography], edited by P. Vert, P.S. Kabytov, and A.I. Miller, 311–323. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
- Knight, N. 2005. O russkom orientalizme: otvet Adibu Khalidu [On Russian Orientalism: Response to Adeb Khalid]. In *Rossiiskaia imperiia v zarubezhnoi istoriografii* [Russian Empire in Foreign Historiography], edited by P. Vert, P.S. Kabytov, and A.I. Miller, 324–344. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
- Laumulin, M. 2015. *Istoriia Kazakhstana i Tsentral'noi Azii v mirovoi orientalistike (k 550-letiiu Kazakhskogo khanstva)* [History of Kazakhstan and Central Asia in World Orientalism (To the 550th Anniversary of the Kazakh Khanate)]. Astana: KISI.
- Maslova, O.V. 1955, 1956, 1962, 1971. *Obzor russkikh puteshestvii i ekspeditsii v Sredniuiu Aziuu. Materialy k istorii izucheniia Srednei Azii* [A review of Russian Expeditions and Travels to Central Asia: Materials for the History of the Study of Central Asia]. Pt. 1: 1715–1856; Pt. 2: 1856–1869; Pt. 3: 1869–1880; Pt. 4: 1881–1886. Tashkent: Izdatel'stvo SAGU.
- Melentev, D. 2020. Etnografiia i erotika v Russkom Turkestane [Ethnography and Eroticism in Russian Turkestan]. *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom* 38 (2): 308–344. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2020-38-2-308-344>
- Morrison, A. 2009. “Applied Orientalism” in British India and Tsarist Turkestan. *Comparative Studies in Society and History* 51 (3): 619–647.
- Pelliot, P. 1958. *Notes sur Marco Polo* [Notes on Marco Polo]. Paris: L. HAMBIS.
- Pochekaev, R.Y. 2017. Rossiiskie i britanskie puteshestvenniki ob administrativnykh i pravovykh preobrazovaniakh Yakub-beka v Vostochnom Turkestane (1860–1870-e gg.) [Russian and British Travelers on the Administrative and Legal Transformations of Yakub-bek in East Turkestan (1860–1870s)]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae* XLVII: 170–178.
- Pochekaev, R.Y. 2019. *Gosudarstvo i pravo v Tsentral'noi Azii glazami rossiiskikh i zapadnykh puteshestvennikov XVIII – nachala XX v.* [State and Law in Central Asia through the Eyes of Russian and Western Travelers of the 18th – Early 20th Centuries]. Moscow: Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki.
- Ponomarev, E. 2020. Travelog vs. putevoi ocherk: postkolonializm rossiiskogo izvoda [Travelogue vs. Travel Article: The Russian Version of Postcolonialism]. *Novoe literaturnoe obozrenie* 166 (6). https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/166_nlo_6_2020/article/22969/
- Pratt, M.L. 2008. *Imperial Eyes: Travel Writing and Transculturation*. London: Routledge.
- Said, E.W. 2003. *Orientalism*. London: Penguin Books.
- Said, E.W. 2006. *Orientalizm. Zapadnye kontseptsii Vostoka* [Orientalism. Western Concepts of the East]. St. Petersburg: Russkii mir.

- Simon, J. 2015. The “Feast of the Liberation of Jerusalem”: Remembering and Reconstructing the First Crusade in the Holy City, 1099–1187. *Journal of Medieval History* 41 (4): 409–431.
- Turina, S. 2021. Beyond the Silkworm Eggs. The Role of the Italian Semai (Silkworm Eggs Merchants) in Spreading Knowledge of Japan in Italy in the Second Half of the Nineteenth Century between Art and Science. *Journal of Modern Italian Studies* 26 (2): 141–160. <https://doi.org/10.1080/1354571X.2020.1866292>
- Vert, P., P.S. Kabytov, and A.I. Miller, eds. 2005. *Rossiiskaia imperiia v zarubezhnoi istoriografii* [Russian Empire in Foreign Historiography]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.